

Н. Коняев

Апостольский колокол

Повествование о Валаамском монастыре,
его древностях и святынях

Николай Коняев

**АПОСТОЛЬСКИЙ КОЛОКОЛ.
ПОВЕСТВОВАНИЕ О
ВАЛААМСКОМ МОНАТЫРЕ,
ЕГО ДРЕВНОСТЯХ И СВЯТЫНЯХ**

Православное издательство "Сатись"

2003

Коняев Н. М.

Апостольский колокол. Повествование о Валаамском монастыре, его древностях и святынях / Н. М. Коняев — Православное издательство "Сатись", 2003

ISBN 5-7373-0306-3

В этой книге с искренней любовью и профессионализмом собраны редкостные материалы по истории и духовным преданиям великой обители Севера – Валаамского монастыря. Читатель найдет здесь и замечательную переписку игумена Дамаскина со святителем Игнатием (Брянчаниновым), и уникальные архивные сведения, и – самое главное – духовно полезных и поучительных примеров.

ISBN 5-7373-0306-3

© Коняев Н. М., 2003
© Православное издательство
"Сатись", 2003

Содержание

Предисловие	6
I. Апостольский колокол	8
Пролог	8
Часть первая	10
Вступление	10
Глава первая	11
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава четвертая	21
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Николай Коняев
Апостольский колокол. Повествование
о Валаамском монастыре,
его древностях и святынях

По благословению

Митрополита Санкт-Петербургского и Ладозского ВЛАДИМИРА

Предисловие

Книга известного православного писателя Николая Михайловича Коняева «Апостольский колокол» посвящена жизни великого Валаамского старца игумена Дамаскина.

Это уже не первый агиографический опыт талантливого и самобытного прозаика. В 1991 году вышла книжка о житии святителя Стефана Великопермского, затем было много разных статей и повестей, посвященных русским святым и великомученикам, а 1997 год ознаменовался появлением сразу двух новых книг: «Свирские святые» и документальной повести «Священномученик Вениамин митрополит Петроградский».

Видно, как автор от издания к изданию совершенствует агиографическое мастерство, вырабатывает свой стиль и язык житийного описания.

Особенно интересной в этом плане была книга о священномученике Вениамине.

Н.М. Коняев полностью отказывается от трафаретного описания жизни святых, которое выработалось в дореволюционной России синодального периода.

На страницах документального повествования перед нами встает живой, энергичный человек, великий молитвенник, искренне преданный Церкви, народу и Отечеству. Он делает все, чтобы сохранить Церковь и прихожан от лютого разорения и полного уничтожения со стороны безбожной власти. Но адская печь большевизма требует все новых и новых жертв. И вот, чтобы спасти других, он идет умирать сам... Спокойно принимает приговор...

Перед нами, благодаря литературному мастерству писателя, возникает образ реального человека и путь, по которому он пришел к святости. Эта книга учит нас самоотверженности, решимости следовать за Христом даже до смерти и смерти крестной. В книге мы видим, как поступал святой в том или ином случае, а значит, и как нам следует поступать в подобных случаях.

Книга «Апостольский колокол» написана в несколько ином ключе. Здесь мы также видим путь к святости, но святости преподобного. Монашеское делание, борьба со страстями, стяжание смирения и восхождение по духовной лестнице к Богу. Таинство преображения души человеческой.

Как это происходит? Какие основные моменты этого движения?

Эти вопросы волнуют каждого христианина. Личный опыт подвижника, достигшего святости, ценен для каждого православного.

Суметь раскрыть путь духовного восхождения святого – это крайне сложная задача, даже если и сохранились письма, если известны реальные факты биографии. Ведь главное – понять, правильно осмыслить их и подать должным образом, и это редко кому удается.

Н.М. Коняеву удалось справиться с задачей.

Перед нами на страницах «Апостольского колокола» разворачивается человеческая жизнь, жизнь, которая увенчалась святостью. Показано, как из деревенского мальчика, калеки с детства, смог вырасти такой богатырь духа. Ясно прослеживается Промысел Божий в жизни этого простого искреннего православного человека. Благодать Божия через различные встречи, трудности и испытания очищает душу подвижника, готовя ее стать вместилищем Святого Духа.

Среди множества интересных и ярких встреч, талантливо описанных автором, особенно интересно соприкосновение двух будущих светил православия: игумена Дамаскина и тогда еще архимандрита Игнатия Брянчанинова. Показано, как с течением времени, и с духовным возрастом изменяется отношение будущего святителя к своеобразию подвижнической жизни Валаамского монастыря.

Большой заслугой автора нам кажется умение строить свое повествование на чисто документальных фактах истории, не выдумывая и не домысливая отсутствующего материала.

Очень опасен любой вид фантазии в житийном описании.

Ведь жития святых – это не сказка или история, которая веселит и развлекает человека, это своеобразный путь ко спасению, руководство в духовной жизни, предназначенное для множества верующих. И любая ложь или фантастический домысел автора может увести от вечной жизни немало христиан.

Другой опасностью житийного описания является излишняя сухость или трафаретное (о котором мы уже говорили выше) описание духовного пути подвижника. Здесь теряется индивидуальность святого, его близость к нам, живость и притягательная сила духовной красоты аскетического подвига.

Николаю Михайловичу Коняеву в новой книге «Апостольский колокол» мастерски удалось сочетать достоверный исторический материал с живостью художественного изложения. Тонко проследив путь духовного возрастания подвижника, он избежал привнесения фантазии или личных домыслов.

Хочется поздравить автора с большим творческим успехом и пожелать дальнейшего духовного совершенствования, а значит многих и интересных работ.

**Член Союза Писателей России,
священник Алексей Мороз**

І. Апостольский колокол

Повесть о игумене Валаамского монастыря Дамаскине и святителе Игнатии Брянчанинове

Пролог

Пронзительные и холодные поднимаются над Ладогою туманы... Покачиваясь, плывут над озерной водой, скрывая в белесой пелене деревья, скалистый берег... И уже не различить ничего, только слабо и неясно, увязая в сыром воздухе, несутся удары колокола. Из какой дали, из какого столетия звучат они? И чье русское сердце не откликнется им, какая душа не различит ясный и теплый свет православия, разливающийся над схожим с облачным небом озером?

Монах Протасий рассказывал...

В день похорон игумена Дамаскина, утром, еще до обедни, пришел иеромонах Александр проститься и, когда стал прикладываться, то отец игумен как бы взглянул на него...

А монах Сергей 28 января, на другой день после похорон, увидел игумена в церкви, в мантии и с жезлом в руках, и очень, очень веселого.

А отец Никандр даже поговорил с игуменом во сне. Дамаскин сидел в храме у раки Преподобных.

– Не надо ли тебе чего? – спросил он у Никандра. – Скажи, я дам...

Монаху Митрофану тоже снился Дамаскин... Они втроем – Митрофан, иеромонах Александр и игумен Ионафан – вошли в храм, где стоял закрытый гроб.

Игумен Ионафан велел открыть гроб.

В гробу покойный как будто спал. Лицо было благолепное и приятное.

Игумен Ионафан поклонился и приложился к руке Дамаскина. То же сделал иеромонах Александр.

Игумен Дамаскин благословил его. Потом сказал:

– Чадо, закрой меня.

Гроб закрыли, и крышку закрепили по-старому...

Как легкий туман проплывают эти монастырские сны 1881 года...

И сквозь него все яснее и четче различалась исполинская фигура игумена Дамаскина...

Послушнику Дмитрию вспомнилось, как возили они покойного игумена в Назарьевскую пустынь. Из часовни они вели его под руки с келейником Александром. Дмитрий тогда подумал, что игумен мог бы и сам ходить... Чего водить-то?

И тут Дамаскин остановился и сказал:

– Оставь меня, Дмитрий! Александр один меня доведет!

Или такой случай...

Тоже в Назарьевской пустыни было...

Решили дерево посадить. Дмитрий вместе с монахом Сергием выбрали саженец. Приехал игумен.

– Выбрали дерево? – спрашивает.

– Выбрали, батюшка. Вот оно...

Но игумен и не посмотрел даже на дерево, о другом заговорил.

Несколько раз напоминали ему, но игумен молчал. Наконец отец Сергей сказал:

– Так как же, батюшка? Благословите это дерево посадить?

– Ну-ну... – сказал игумен Дамаскин. – Ладно...

Дерево посадили очень тщательно, но оно засохло без всякой причины...

Весною 1881 года Димитрий вспомнил об этом и только сейчас сообразил, что это как-то было связано с нерешительностью игумена...

А один раз Димитрий заговорил с отцом Сергием, что вот умрет игумен, напишут его биографию обязательно.

– Да-да... – закивал отец Сергей. – Как же не написать.

– Небось, там все его поступки в какую-нибудь хорошую сторону повернут...

– Повернут, конечно... – согласился Сергей. – Обязательно повернут.

Такой вот разговор был, а вскоре приехал в Назарьевскую пустынь отец Игумен. Походил немного, а потом говорит:

– Приходите, дети, чай пить.

Мы пришли.

Только сели, а он и говорит:

– Отец Пимен благословение просил – биографию мою писать. Я его благословил, только сказал, чтобы писал, чего хорошего есть у меня, а грехов бы не писал...

И так внимательно посмотрел на нас с отцом Сергием, что мы и глаз на него поднять не смели.

А схимонах Иоанн с Предтеченского скита вспомнил, как рыли колодец. Приехал отец Игумен и, помолившись Богу, пошел выбирать место.

Долго ходили по острову, и тут предлагали рыть и там, а игумен не соглашался. Наконец, пришли за часовню и здесь, на горке, игумен и остановился.

– Здесь, – говорит, – ройте!

Засомневалась братия, какая вода тут будет, если камень один... Но к удивлению всех оказалось, что вода в колодце – самая лучшая, преизобильная и никогда не пересыхающая... И по сие время существует этот колодец. Каждый год, в день Преполовения, после обедни крестный ход на него идет...

В этих воспоминаниях послушника Димитрия, схимонаха Иоанна все твердо, как здешний гранит... Никакой фантазии, только то, *что* помнится...

Так, в туманы и в гранит Валаама вращалось имя игумена Дамаскина, и не требовалось ни долгих лет, ни легенд, ни преданий.

Всем было ясно, что именем игумена Дамаскина открылась новая эпоха Валаама.

Всем было понятно, что именем игумена Дамаскина закрывается прежняя эпоха Валаама...

Часть первая

Вступление

Словно из шума сосен, словно из плеска волн, бьющихся о береговые скалы, словно из тихого шепота молитв рождаются Валаамские предания... Словно засохшая кровь – темные пятна на суровом граните валаамской истории...

Страшной зимою 1578 года пришли на острова шведы... Тогда, 20 февраля, девятнадцать благочестивых старцев и пятнадцать послушников «потреблены были мечом» за твердость свою в православной вере.

Вот имена этих мучеников: игумен Макарий; священноинок Тит; схимонах Тихон; монахи: Геласий, Варлаам, Сергей, Савва, Конон, Сильвестр, Киприан, Пимен, Иоанн, Самой, Иона, Давид, Корнилий. Нифонт, Афанасий, Серапион, Варлаам; послушники: Афанасий, Антоний, Лука, Леонтий, Фома, Дионисий, Филипп, Игнатий, Василий, Пахомий, Василий, Иоанн, Федор, Иоанн...

Этим кровавым разорением завершается эпоха, начавшаяся на островах с Креста, который водрузил апостол Андрей Первозванный.

Именами великих, вожжённых на Валааме светильников православной веры, освещена она... Это и Авраамий Ростовский, крестивший вместе со страстотерпцем Борисом язычников ростовской земли... Это и Корнилий Палеостровский, Арсений Коневский, Савватий и Герман Соловецкие, наконец, это – Александр Свирский, сподобившийся еще в земной жизни лицезреть Пресвятую Троицу...

И вот буйными волнами лютеранского неистовства захлестнуло Валаамские острова.

Тогда казалось, что навсегда...

Но Бог поругаем не бывает...

И в мученической кончине валаамских иноков скрывается не посрамление, а торжество православной веры, прославленной новыми страстотерпцами...

Кажется, что именно об этих иноках и произнесены в те годы слова первого русского патриарха Иова:

– Подражайте бывшим прежде нас святым отцам, чьи имена помянуть бояться бесы. Не говори никто: невозможно есть в сии лета такому быти, какими были святые, великими и крепкими, и лета их добрые. Ныне же злы настали. Христолюбцы, не помышляйте и не глаголите сего, ибо той бывый Бог и тогда и ныне тот же есть и вовеки, на всех местах милует призывающих Его.

Житие патриарха Иова не связано с Валаамом, оно протекало в Старицком Успенском монастыре, куда, еще ребенком, взяли его. Здесь, в Старицах, принял Иов монашеский постриг, отсюда призвал его Иоанн Грозный в Москву. Бесстрашно и мужественно исполнял Иов святительское служение. Это он предал анафеме самозванца, за что и был сослан назад в Старицкий монастырь. Лжедмитрий приказал держать его «в озлоблении скорбном».

Но все, все связано в Божием мире...

Слова святителя оказались услышанными.

Прямым ответом на них стала жизнь крестьянского мальчика Дамиана Кононова, родившегося два столетия спустя в принадлежавшей Старицкому Успенскому монастырю деревне Репинка... Этому мальчику и предстояло стать игуменом Спасо-Преображенского Валаамского монастыря Дамаскиным, сумевшим восстановить прежнее величие обители.

Глава первая

Будущий игумен Валаамского монастыря родился на стыке эпох. Пройдет чуть больше года, и завершится правление императрицы Екатерины Великой, а вместе с ним эпоха первых Романовых, ярых переустроителей русской жизни, фактически до начала правления Николая Первого ни в чем не ограничивающих своего деспотизма и своеволия.

Увы... Дворянская литература старательно не замечала, сосредотачивая свое внимание на грандиозных успехах, достигнутых наследниками Петра Первого в военном и государственном строительстве. Успехи эти, действительно, неоспоримы, и весь вопрос только в цене, которой были оплачены они. И, конечно, цели... Русским трудом и русской кровью воздвигалась могущественнейшая империя. И для чего? В результате многочисленных реформ основная часть населения, сами русские, оказались в рабстве в своей собственной стране. Строительство империи обернулось в результате тем, что народ окончательно оказался расколот, и хотя после Екатерины Второй и предпринимались попытки преодолеть и *этот* раскол, ликвидировать его так и не удалось. И не могло удасться. Слишком разным стало все. Язык... Культура...

Само православие и отношение к нему и то, кажется, рознилось у дворян и крестьян...

Да... Поощрялось строительство монументальных, по западным образцам, храмов. Поддерживалось внешнее благолепие... Но внутреннее, сокровенное и светоносное бытие православия было объявлено как бы вне закона.

Об этой униженности Православной церкви очень точно и верно сказал преподобный Амвросий Оптинский...

«Еще вопрос: если же, как сказано, кроме единой, святой соборной и Апостольской Церкви, каковою называется и есть Церковь Православная, так сомнительно спасение других вероисповеданий: то почему же в России не проповедуется открыто истина сия? – спрашивал великий оптинский старец. И тут же дал исчерпывающий ответ на свой вопрос. – На это ответ очень простой и ясный. В России допущена веротерпимость, и иноверцы наравне с православными занимают у нас важные должности: начальники учебных заведений по большей части иноверцы; начальники губерний и уездных городов часто бывают иноверцы; полковые и батальонные командиры – нередко иноверцы. Где ни начни духовное лицо открыто проповедовать, что вне Православной Церкви нет спасения, сановитые иноверцы оскорбятся. От такого положения Русское Православное духовенство и получило как бы навик и укоренившееся свойство говорить об этом предмете уклончиво».

Страшные слова...

Получить навик и укоренившееся свойство говорить уклончиво о единой, святой, соборной и Апостольской церкви...

Как сродни это неясному, тонушему в вязком тумане звону колоколов!

Глава вторая

Никаких сведений о родителях, хотя ученики и записывали рассказы Дамаскина, не сохранилось. Но отсутствие сведений тоже свидетельство. По-видимому, жизнь Конона и Матроны мало чем отличалась от жизней миллионов российских крестьян и не нуждалась ни в какой дополнительной конкретизации. Жили родители Дамиана как весь православный простой народ. Трудились, в поте лица добывая хлеб насущный, растили детей. Когда наступал срок, мирно отходили ко Господу, чтобы их место заняли подростки, чтобы и они жили так же, как родители

Обычная православная жизнь, почти неразличимая уже через поколение...

А с самим Дамианом в младенчестве произошло несчастье. Семилетняя сестренка вздумала покатать братика на закорках и уронила его. Дамиан поломал ногу... Ножка скоро срослась, но срослась неправильно. Мальчик с трудом наступал на нее, и каждый шаг его сопровождался болью.

Невыносимой болью сопровождался каждый шаг и у нового царствования.

6 ноября 1796 года, вечером, едва только узнав о смерти матери, примчался из Гатчины Павел.

«Тотчас все приняло иной вид, зашумели шарфы, ботфорты, тесаки и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом», – писал об этом дне Г.Р. Державин.

Через тринадцать дней по повелению императора из земли было открыто тело Петра Третьего, захороненного в Александро-Невской лавре 34 года назад, а 25 ноября произвели «сокоронование» праха Петра с телом Екатерины. Похоронили их вместе, в Петропавловском соборе.

Торопливо, как-то судорожно, словно задыхаясь от боли, отменял Павел установленные прежними императорами законы.

5 апреля 1797 года восстановлен отмененный Петром Первым закон о наследовании престола.

Теперь престол должен был наследовать старший сын, женатый на владетельной особе... Это порядок позволил отделить судьбу престола от борьбы дворцовых партий и придворной конъюнктуры...

Император совершал путешествия по России, учреждал банки и институты... В опалу попадали самые выдающиеся, самые могущественные люди, но снова, подобно Суворову или Аракчееву, возвращались на службу... Павел воевал с Францией, не позволяя превратить Средиземное море во французское озеро... Павел принял звание «великого магистра державного Ордена святого Иоанна Иерусалимского»...

Можно по-разному оценивать поступки Павла, сколь бы сумасбродными не рисовались они в воспоминаниях дворян-крепостников, но очевидно, что это первый русский император, который попытался ограничить всевластие дворян. Барщина при нем была сокращена до трех дней в неделю, крестьян было запрещено продавать без земли, отменили хлебную подать с крестьян. И разве не символично, что именно в правление Павла умирает в тюрьме помещица Дарья Салтыкова – печально знаменитая Салтычиха, что со сладострастием истязала своих крепостных?

Ограничение дворянских вольностей не могло прибавлять симпатии к Павлу у офранцузившихся и англизировавшихся крепостников, и именно за это и был он убит и оклеветан после смерти. Но о правлении Павла надобно судить не по лживым свидетельствам убийц, а по конкретным делам.

Сейчас очевидно, что Павел – первым из Романовых! – попытался выправить отношения династии с православием. При Павле основываются Духовные академии в Петербурге и Казани, и – самое главное! – при Павле делается первая попытка преодолеть раскол не только в русском, разделенном на господ-крепостников и рабов-крестьян обществе, но и в самом православии. В 1800 году вводится так называемое «единоверие» – компромисс между официальной церковью и староверами, делается первый шаг к прекращению гонений на древнее русское благочестие...

И вот – как только совершилось это! – посреди ночи, в спальню императора ворвались заговорщики.

Граф П.А. Пален и генерал П.А. Зубов потребовали от Павла отречения. Император отказался...

И тогда в спальню вошли офицеры Яшвиль, Горданов, Татаринов, Скарятин. Как свидетельствовал один из очевидцев, «заговорщики, сзади толкая друг друга, навалились на эту отвратительную группу, и таким образом император был удушен и задавлен, а многие из стоящих сзади не знали в точности, что происходит».

Как только все было кончено, граф П.А. Пален вместе с офицерами-убийцами отправился доложить цесаревичу Александру о «скоропостижной смерти» императора.

– Батюшка скончался апоплексическим ударом! – объявил Александр. – При мне все будет, как при бабушке.

– Ура! – закричали в ответ убийцы.

Так был убит император Павел. Так была сорвана первая попытка преодоления раскола в обществе и Церкви. Следующую попытку предстоит сделать самому Александру...

Когда убили императора Павла, крестьянскому мальчику Дамиану Кононову исполнилось пять лет.

Увечье отделило его от сверстников. Он не участвовал в детских играх, лишь со стороны наблюдал за забавами деревенских мальчишек.

– Аз окаянный и многогрешный... помню, что когда еще был весьма мал, то очень дик был, так что и людей боялся... – скажет игумен Дамаскин многие годы спустя.

Родители Дамиана были неграмотными, но нашлись в Репинке грамотеи, которые читали Евангелие и Жития Святых. К такому грамотею сапожнику Артемию и определили Дамиана, когда он подросток и надобно стало пристраивать его к инвалидному труду.

Встреча с Артемием, который много «разговаривал от Божественного писания», переменяла жизнь Дамиана. «Человеколюбивый Господь Своим Милосердием вдохнул в сердце мое благодать Свою... И манием Вседержителя, стал я немного в себе размышлять...»

А теперь, отвлекаясь от частной жизни крестьянского подростка-калеки, вспомним, что происходило в эти годы с Россией.

Александр Первый, взошед на престол, возвратил на службу многих сановников, выгнанных отцом... Какой-то шутник написал тогда на воротах Петропавловской крепости: «Свободна от постоя».

Милости и все новые и новые свободы так и сыплются на головы подданных, которым Александр в манифесте обещал «доставить ненарушимое блаженство». Одна за другой возникают в Петербурге новые масонские ложи. Государь счел возможным разрешить одной из них быть названной его именем – «Александра благотворительности к коронованному Пеликану». Все говорят о предстоящих реформах. Даются льготы духоборам, открыто проповедует основатель секты скопцов Кондрат Селиванов...

Но это с одной стороны...

А с другой – все эти годы идет в императоре Александре Первом напряженная духовная работа, он посещает православные монастыри, беседует со старцами, молится...

Как-то причудливо но очень точно повторяется эта двойственность в тех бесконечных, изнуряющих страну войнах Александра Первого с Наполеоном.

Аустерлиц... Прейсиш-Эйлау... Наконец – Тильзит и короткая передышка перед нашепствием «двунадесяти языков», перед Отечественной войной 1812 года, когда снова, как во времена Святой Руси, полки генерала Д.С. Дохтурова, прикрывавшие отход от Смоленска русской армии, уходили из города, унося Чудотворный образ Смоленской Божией Матери...

Все эти события тоже «размышления в себе»... Только это размышления всей России, пытающейся вопреки соблазнам найти свой путь и находящей его, и снова теряющей его...

О многих этих событиях, скорее всего, и не слышали в тверской деревушке Репинки... Но о нашествии двенадцати языков не слышать не могли... И, конечно же, чудесное избавление от врага, в котором так зримо проявилось заступничество за Россию Божией Матери, не могло не найти отклика в душе Дамиана.

Он тоже одерживает победу. Победу над собственной немощью...

Случилось это так...

Разгорающаяся в сердце инвалида-подростка благодать Божия помогла Дамиану преодолеть отчаяние и приступить к поиску своего пути...

Первоначально этот путь увиделся крестьянскому юноше в судьбе нищих странников-богомольцев... Летом 1816 года Дамиан уходит с ними на богомолье в Киев.

Выбор места паломничества был отчасти вынужденным.

Весь 1816 год бунтовали военные поселения в Новгородской губернии, и путь к северным монастырям оказался перекрыт... Но это только одна причина, по которой был выбран Киев. Другая – в давних, исторических связях Старицкого уезда с Киевом. Ведь и сам Успенский Старицкий монастырь был основан пришедшими «из киевских пещер» иноками Трифоном и Никандром. И существовала, как нам кажется, и третья – мистическая мотивировка.

Святой апостол Андрей Первозванный, как свидетельствует предание, стоял на днепровских кручах, где предстояло подняться Киеву. Отсюда двинулся он на север и достиг Валаамских островов.

Киев и Валаам – два центра, из которых, независимо друг от друга – вспомните преподобного Авраамия, крестившего язычников ростовской земли! – распространялось по Руси православие. И промыслительно, что прежде чем сделаться игуменом на Валаамских островах, побывал Дамаскин в Киеве, где уже поставлен был тогда памятник святому равноапостольному князю Владимиру, поклонился киевским святыням православия...

В 1816 году Дамиану перевалило за двадцать, и он был калекой. Помогать по хозяйству он не мог, иначе не отпустили бы его родители на богомолье в страдную пору, когда, как метко заметил писатель-этнограф С.В. Максимов, «крестьянин перепутан работами, как сетями. В одно и то же время столько дела, что и перекреститься некогда»...

И вот происходит чудо исцеления немощного калеки!

Едва Дамиан пустился с богомольцами в путь, как «почувствовал облегчение ноги, а в Киеве у угодников Божиих получил совершенное излечение и возвратился домой здоров».

Оговоримся сразу, что хромота сохранилась и от нее избавиться не удастся. Но и прекращение острой боли служило великим утешением для Дамиана, уже свыкшегося с нею. Кроме того, и для него самого, и для близких чудесное исцеление явилось знаком правильности избранного пути.

На следующий год Дамиан снова отправился на богомолье. Теперь – военные поселения были усмирены! – на Север, в Соловецкий монастырь.

«В 1817 году освободили меня идти к Соловецким Чудотворцам и пошел я один с Господом, и Он сподобил меня побывать. Возвращаясь обратно, весьма пожелал я побывать на Валааме».

Слова «весьма пожелал» обозначают не просто причуду молодого паломника, а и событие, определившее это желание. Событие такое, действительно, состоялось.

Возвращаясь с Соловков, Дамиан встретил белобережских старцев – схимонаха Феодора, иеросхимонаха Леонида, иеромонахов Гавриила и Иоанникия...

Но прежде чем рассказать о самой встрече, надо прервать жизнеописание Дамаскина и рассказать, кем были белобережские старцы, и почему решили они в 1817 году оставить Спасо-Преображенский Валаамский монастырь.

Глава третья

Какую ни открой книгу о Валааме, в каждой – строгое и научное описание постепенно насыщается поэзией и выливается в славословие Бога.

«На обширных водах Ладожского озера разнообразными горами возвышается группа островов, покрытых лесом, – это о. Валаам и его дети. Образованные из кряжей темно-серого гранита, эти острова в громадных, обнаженных скалах, в гигантских, отвесных, растрескавшихся стенах, покрытых вековыми седидами моха, в зеркальных водах своих заливов и проливов, окаймленных развесистыми соснами и елями, громоздящимися уступами по склонам гор, в сумраке лесов, при глубокой тишине пустынной, повсюду представляют картины поразительного величия, повсюду возбуждают в душе мысли благоговения перед Создателем и невольно влекут и сердце, и ум к Предвечному. Запечатленные таким высоким характером, острова Валаамские, при своей совершенной отдельности от селений мирской суеты, по глубокомысленному выражению Преосвященного Гавриила, Митрополита Новгородского, «промыслом Спасителя мира назначены для селения иноков», – говорится в «Валаамском слове о Валаамском монастыре».

Но иначе о Валааме, наверное, и невозможно писать, потому что от монашества остров невозможно отделить, как и от вод Ладоги, как от здешнего темно-серого гранита. Наверное, нигде больше так остро не постигает человек, что все вокруг – Господне...

Закончилась длившаяся целое столетие печальная ночь Валаама. Вопреки противодействию, удалось восстановить монастырь. Не прошло и полувека, а прощенным оказалось «преступление» строителя Иосифа (Шарова), «незаконно» восстановившего монастырь. Теперь в царском дворце рассуждали, что коли в ходе Северной войны России удалось вернуть Валаамские острова, то восстановленный на них монастырь и является памятником этому освобождению, а значит и всей деятельности Петра Великого.

«Заботливое сердце преосвященного Гавриила, – пишет летописец монастыря, – чувствовало скорбное положение Валаамского монастыря. Желая восстановить на Валааме селение святых и тем принести Спасителю мира благоугодную жертву, в 1781 году Святитель вызвал из Саровской пустыни Тамбовской епархии иеромонаха Назария и определил его строителем в Валаамский монастырь».

Отец Назарий был великим старцем.

Говорят, что о делах мирских он и слов не знал говорить, зато когда отверзал уста, чтобы рассуждать о подвигах против страстей, о любви к добродетелям, слушающие забывали время, так услаждала их эта беседа.

Всегда слова Назария были правдивы и прямы, а порою и резки, но это не мешало его собеседникам поучаться любви и послушанию.

Не желая лишаться отца Назария, настоятель Саровской пустыни и преосвященный Феофил попытались представить отца Назария как малоумного и неопытного в духовной жизни человека...

Однако хитрость эта не имела успеха.

– Пришлите скорее мне вашего глупца! – потребовал митрополит Новгородский, Высокопреосвященный Гавриил. – Умников у меня и своих хватает...

Отец Назарий принял Валаамскую обитель, когда там «был строитель, один монах, два белые священника, но и те все потонули...», а оставил монастырь с каменными, при нем отстроенными соборами, с возрожденными скитами, с братством, превышающим пятьдесят монахов.

Наверное, правильнее будет сказать, что Назарий не возродил Валаамский монастырь, а вымолил возрождение монастыря.

Еще будучи настоятелем, он порою целые недели проводил в уединенной пустыни, занимаясь молитвою и рукоделием...

«Помолимся духом, помолимся и умом, – писал отец Назарий, уже удалившись на покой. – Взойдите-ка в слова святого Апостола Павла: *хощу рещи лучше пять слов умом, нежели тысячу языком* (I Кор. XIV, 15, 19). Изобразить не могу, сколько мы счастливы, что сии пять слов удостоились говорить; что за радость! Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешнаго. Вообразите-ка: Господи, кого я называю? Создателя, Творца всего, Кого все небесныя силы трепещут. Иисусе Христе, Сыне Божий! Ты ради меня кровь свою изливал, спас меня, сошел на землю... Ум и сердце собрать воедино, глаза закрыть, мысленный очи возвести ко Господу. О, сладчайший и дражайший Господи Иисусе Христе Сыне Божий!».

Воистину – прямо из священных тайников умного делания восходят эти проникновенные, пропитанные небесным светом слова...

Смиранный сам, Назарий и других обучал смирению...

Своей простотой и мудростью он походил на святых, просиявших на Валааме в древние времена. Вот лишь один случай из его жизни...

Однажды в Петербурге Назария пригласили к сановнику, попавшему в немилость у Государя.

– Помолитесь за него, отче! – попросила Назария супруга сановника. – От горя муж уже слег совсем...

– Хорошо! – сказал Назарий. – Надо, надо помолиться Господу, чтобы наставил Государя, но надо попросить и приближенных Его...

– Мы уже всех просили... – сказала супруга, думая, что Назарий говорит о начальниках мужа. – Что-то надежды мало...

– Да вы, небось, не тех и не так просите... Дай мне, матушка, несколько денег.

Супруга сановника тотчас достала кошелек, набитый золотыми монетами.

– Нет! – покачал головою Назарий. – Эти деньги мне не годятся. Нет ли медных у тебя или маленьких серебряных.

Весь день Назарий ходил по Петербургу и раздавал милостыню нищим, а вечером пришел в дом сановника.

– Слава Богу! – сказал. – Обещали все Царские приближенные за вас.

Еще не отошел он от постели больного сановника, как к тому пришли с известием о благополучном разрешении дела и прекращении Государевой немилости.

– Кто же, отче, из приближенных Государя был ко мне более благосклонен? – спросил ободрившийся сановник.

Тут и узнал он, что это были нищие – приближенные Господа. Они, получив милостыню, молились за опального сановника и вымолили ему прощение...

Высокопреосвященный митрополит Гавриил, которому обязан Валаам появлением на островах отца Назария, чрезвычайно ценил старца.

Наставляя переводчиков «Добротолубия», он предписал им советоваться во всем с духовными старцами. Первым среди старцев назвал отца Назария.

– Они, – сказал тогда Высокопреосвященный, – хотя и не знают, как вы, греческого языка, но из опыта лучше вас понимают духовные истины, а потому правильнее могут изъяснить наставления, содержащиеся в этой книге...

По словам монастырского «Валаамского слова», «со вступлением о. Назария на святые горы полились на них радостные утренняя лучи»...

И это не поэтический образ, а строгий научный факт. При Назарии все каким-то чудесным образом устраивается на Валааме. Перечислить все, совершенное им, невозможно, но главное дело – Монастырский устав, созданный по образцу Саровской пустыни и прижившийся на Валааме, потому что он оказался созвучным и близким древнему уставу Спасо-Преображенского монастыря...

С Уставом игумена Назария, конечно же, произошло чудо. Назарий и предположить не мог, что привезенный им Устав окажется так близок самому древнему Уставу монастыря.

Но именно так и случилось. И подтверждение этому – «возвращение» в монастырь первых святых насельников Валаама, основателей монастыря преподобных Сергия и

Германа, преподобного Александра Свирского... Ведь это при Назарии начинает возрождаться почитание их в монастыре...

Другое подтверждение правильности устройства возрожденной обители – приход на острова белобережских старцев. Они ведь искали место для свершения монашеских подвигов, и нашли – пусть и не на долгое время! – на Валааме.

Когда белобережские старцы пришли на Валаам, Назарий уже покинул обитель, вернулся назад в Саровскую пустынь, из которой и был призван для устройства Валаама.

И тут, в этой смене духовных светильников монастыря, явно прослеживается преемственность, выстроенная, как нам кажется, самим Божиим Промыслом. Самое начало девятнадцатого века... Валаам... Саровского пустынника сменяют старцы, которым суждено просиять в Оптиной пустыни...

Встреча Сарова и Оптиной на Валааме...

Воистину, свет рождает свет, светом полнится и светом изливается...

«Исполненный дней, – как сказано в монастырской биографии, – отец Назарий преставился на вечный покой в Саровской пустыне 23 февраля 1809 года, 74 лет от рождения. Тело его погребено у алтаря теплой церкви...»

На могильном памятнике начертаны стихи:

*Назарий прахом здесь, душой на небесах,
И будет незабвен в чувствительных сердцах,
В которых он вместил священные те таланты,
Пред коими ничто мирские алмазны...*

Стихи, как тут не вспомнить преосвященного Феофила, вздохавшего насчет «малоумности» Назария, простоваты, конечно, но с другой стороны сложных и умных стихов и так хватает. Без надгробия старца Назария...

Белобережские старцы – это следующий шаг в возрождении Валаамской обители.

Схимонах Феодор был учеником великого старца Паисия Величковского, архимандрита Молдо-Влахийских монастырей, с именем Феодора и связано возрождение утраченных в эпоху петровских преобразований традиций старчества в русских монастырях.

Вернувшись в Россию, схимонах Феодор подвизался в различных монастырях, пока покойство от посетителей, нарушавших безмолвие его пустынной жизни, не понудило его перебраться в Белобережскую обитель. Настоятелем этой пустыни был Леонид, его ученик. Он устроил своему наставнику уединенную келью в лесу, где тот и поселился вместе с иеросхимонахом Клеопою. Скоро к ним присоединился и сам Леонид, добровольно сложивший с себя настоятельство.

И снова слава о высокой жизни и мудрости отца Феодора распространилась окрест, и к дверям его кельи начали стекаться тысячи посетителей.

И снова, утомленный столь тягостной для смиренномудрия славою, отец Феодор покидает обжитую келью и уходит на север.

Новоезерский монастырь, Палеостровская пустынь, наконец, Валаам, где в скиту Всех Святых вновь было назначено встретиться белобережским отшельникам...

«Слава милосердому нашему Богу, что сподобил и меня недостойного и скверного сожительства со отцы моими в скиту Валаамском, – писал о. Феодор, прибыв на Валаам. – Уже теперь перед милосердным нашим Создателем и Искупителем не можем никакого извинения и оправдания принести: Он исполнил все наше желание... привел нас в место безмолвное, спокойное, от человек удаленное, молвы свободное. Отец Леонид определен у нас в скиту смотрителем...»

Шесть лет провели белобережские старцы на Валааме. Велико было их влияние на монастырскую жизнь, ибо многие иноки ходили к ним, чтобы воспользоваться духовным руководством.

– Батюшка! – сказал однажды отцу Феодору великий любитель безмолвия, иеромонах Варлаам, живший тогда на скиту. – Блазюсь я на вас. Как это вы по целым дням пребываете в молве и беседах со внешними... Каково есть сие дело?

– Экой ты, братец, чудак... – отвечал будущему Валаамскому игумену отец Феодор. – Да я из любви к ближнему два дня пробеседую с ним на пользу душевную и пребуду несмущенным...

Иеромонах Варлаам вразумился, как говорит житие, этим ответом «познавать различие путей смотрительных от общих».

Но далеко не все обладали подобной мудростью.

Среди братии, искавшей духовных наставлений отца Феодора и отца Леонида, был келлиарх Валаамского монастыря отец Евдоким, впоследствии ставший валаамским духовником, схимником Евфимием.

Отец Евдоким считался присным учеником настоятеля (после Назария эту должность справлял Иннокентий) и надеялся достичь духовного преуспеяния одними внешними подвигами и совершенной покорностью своему наставнику.

Внешне все выглядело благопристойно, но сам отец Евдоким не замечал в себе настоящих плодов монашеской жизни. Не приходило ни кротости, ни любви, ни слез, ни смирения. Сухость, жестокость души, зазрение всех – томили его. Он не находил покоя, порою захлестывало отчаяние и тогда появлялись мысли о самоубийстве. «Бросься со скалы в озеро!» – нашептывал ему враг.

Вот тогда-то и обратился отец Евдоким к старцам Феодору и Леониду. И старцы, действительно, помогли, открыв, что одно только внешнее делание и телесные подвиги не ведут к преуспеянию, особенно если они, являемые другим, влекут к тщеславию, гордости и, как следствие, – к ожесточению, осуждению и отчаянию. Поняв «смиренную науку отцов», отец Евдоким начал возрождаться, смиряться и постепенно успокоился...

«Измена» ученика чрезвычайно возмутила игумена Иннокентия. Так случилось, что это совпало с посещением Валаама министром духовных дел, князем А.Н. Голицыным. Все время, пока он находился на острове, министр провел в келье у старцев и игумена Иннокентия приказал звать туда...

Разумеется, руководствовался Иннокентий не ревностью к учительскому дару старцев, а заботой о порядке, *мире* монастыря. Иннокентий исключительно много сделал для Валаама. Только за первые восемь лет его игуменства численность братии возросла почти вдвое и перевалила за сотню.

«После старца Назария, – утверждает монастырский историк, – обитель во всех отношениях цветущим своим состоянием большую часть обязана его трудам».

А сейчас помрачилось духовное зрение игумена Иннокентия... Ему показалось, что белобережские старцы специально переманивают учеников, чтобы подорвать его игуменский авторитет.

Усмотрев в их учительстве дерзкий вызов своей власти, Иннокентий пожаловался на старцев митрополиту Новгородскому и Петербургскому Амвросию. Тот поручил коневскому строителю, благочинному над монастырями Илариону исследовать это дело. В феврале 1817 года Иларион прибыл на Валаам и допросил Феодора, Леонида и Клеопу. Впоследствии он часто говорил, что ему нигде не доводилось читать того, что высказали в своих ответах простые старцы.

Нашлись у старцев, помимо Илариона, и другие могущественные защитники – министр духовных дел, князь А.Н. Голицын, а также архимандриты (будущие святители) Филарет и Иннокентий.

«Митрополит с огорчением увидел, что он едва не сделал большую несправедливость. Игумен Иннокентий был вызван и встречен грозным и бесцеремонным вопросом: «что ты, старый... со мною было сделал? По твоей милости я чуть было не осудил людей, лучших нас с тобою».

Игумену велено было всячески покоить старцев в своей обители, с угрозой, что в случае жалобы он будет сменен. Старцам же передали, чтобы они были уверены в защите высшего духовного начальства.

Но опытные и смиренномудрые подвижники, знавшие человеческое сердце, не надеялись, что настоятель совершенно умиротворился по отношению к ним и, сознавая, что легче нести ненависть всего братства, нежели нерасположение настоятеля, они во избежание продолжительного греха решили оставить Валаам; и вскоре после этого, в июне 1817 года, перешли в Александро-Свирский монастырь, считая себя отребием мира и недостойными мирнаго жилища на земле».

Глава четвертая

Именно тогда и произошла встреча белобережских старцев с крестьянским юношей Дамианом – будущим валаамским игуменом Дамаскиным.

Он возвращался из паломничества к Соловецким Чудотворцам, и шел по дороге между Александро-Свирским монастырем и Ладогой (там Дамиану следовало заворачивать, чтобы попасть домой, в деревню Репинка Тверской губернии), когда встретил белобережских старцев¹....

Самый старший из монахов сидел на телеге, а остальные шагали рядом. Дамиан остановился, чтобы поклониться путникам и, ожидая, пока приблизятся иноки, разглядывал их. Суровыми и отрешенными были лица погруженных в молитву монахов.

Было тихо. Дул ветерок с Ладоги. Чуть покачивались тонкие с еще не загрубевшими листиками ветки берез... Внезапно телега остановилась. С нее слез старец – это был схимонах Феодор – и, повернувшись к Дамиану, низко поклонился.

Старец Феодор снова забрался на телегу, и процессия двинулась дальше, мимо застывшего в изумлении, сконфуженного Дамиана.

¹ Монастырская рукопись «Жизнеописание Отца Игумена Дамаскина», а следом и изданная монастырем книга «Замечательная жизнь и деятельность настоятеля Валаамского монастыря игумена Дамаскина и поучительные его слова», считают, что встреча будущего игумена с белобережскими старцами произошла, когда Дамиан уже посетил Ондрусовскую пустынь и «возгорел желанием побывать во святой обители Валаамской, видеть ее святыни и поклониться...» На наш взгляд, утверждение это ошибочно. Ондрусовский монастырь расположен на берегу Ладоги и здесь просто нет дороги, на которой могла произойти встреча. Кроме того, как вспоминал сам Дамаскин, он прожил в Ондрусовской пустыни четыре дня, дождался богомольцев из Ладоги и Сяских рядков и уже с ними переправился на Валаам...

Прошло несколько мгновений, прежде чем опомнился он. Припадая на больную ногу, сделал несколько шагов следом за процессией.

– Откуда вы, святые отцы?!

– С Валаама... – обернувшись, ответил самый молодой инок Иоанникий.

Светлой и чудесной была улыбка инока – человека, сподобившегося узреть чудо...

Жарко светило летнее солнце. Гудели пчелы в траве у обочины. Легкий ветерок с Ладоги покачивал ветки берез.

Машинально Дамиан прошел с версту, а потом повернулся и зашагал назад. Он должен был посетить Валаамский монастырь.

Любопытно, что сохранилось письмо преподобного Льва Оптинского, датированное 15 мая 1817 года, за месяц до встречи белобережских старцев с хромым путником.

В этом письме преподобный Лев пишет:

«Что я вам напоминал насчет игуменства, в том прощения прошу, – я вас беспокоил своим безумием. Ей, ¹ матушка, истинно вам признаюсь, и не ласкаем, и отнюдь не желаем, ниже мыслим, чтобы вы игуменю были, или бы заметили в вас склонность к любоначалию; но сердечно утешаемся вашему о сем благоприятному и решительному ответу; но надмение и тщеславное мнение внутрь вопиет, что едва ли гонзнет (избежит? – Н..К.) мать... игум. Но однако, прости Бога ради, и благодушествуй, и мирствуй, потому что от безумия сия пишу. Я вам, матушка, истинно объясню, что у меня самого отнюдь не было чувства и воображения быть начальником; но Премилосердый Господь попустил искуситься, да милостию Своею и освободил...»

Нет нужды разбирать взаимоотношения преподобного Льва с «Пречестнейшей и Преподобнейшей в монахинях» матушкой N, адресатом письма. Для нас важно, что в мае-июне 1817 года мысли о взаимоотношениях настоятеля монастыря и старцев, обитающих в нем, занимали преподобного, да и не могли не занимать, поскольку этот вопрос становился слишком важным для иноческой судьбы и самого Леонида, и всего православного русского монашества.

Достоверно засвидетельствовано и о даре прозорливости, которым обладал преподобный Лев...

Поэтому, не опасаясь ошибиться, можно предположить, что, занятый раздумьями о устройении монастырской жизни, преподобный Лев прозрел в хромом одиноком паломнике не просто будущего Валаамского игумена, а игумена, который необходим монастырю, которого монастырь ждет. И этому долгожданному игумену и поклонился со своими спутниками.

Разумеется, все эти предположения не имели бы никакого значения, если бы не могли мы заглянуть *внутрь* будущей судьбы Дамиана-Дамаскина.

Незримые, но удивительно прочные нити влияния преподобного Льва вплетены в нее.

Мы знаем, что духовником послушника Дамиана в Валаамском монастыре будет старец Евфимий, тот самый келлиарх Евдоким, что послужил причиной ссоры игумена Иннокентия и белобережских старцев. Через этого старца Евфимия, превращенного им из «внешнего монаха» во «внутреннего делателя», преподобному Льву предстояло воспитать и будущего игумена Валаамского монастыря Дамаскина.

¹ Монастырская рукопись «Жизнеописание Отца Игумена Дамаскина», а следом и изданная монастырем книга «Замечательная жизнь и деятельность настоятеля Валаамского монастыря игумена Дамаскина и поучительные его слова», считают, что встреча будущего игумена с белобережскими старцами произошла, когда Дамиан уже посетил Ондрусовскую пустынь и «возгорел желанием побывать во святой обители Валаамской, видеть ее святыни и поклониться...» На наш взгляд, утверждение это ошибочно. Ондрусовский монастырь расположен на берегу Ладоги и здесь просто нет дороги, на которой могла произойти встреча. Кроме того, как вспоминал сам Дамаскин, он прожил в Ондрусовской пустыни четыре дня, дождался богомольцев из Ладоги и Сяских рядков и уже с ними переправился на Валаам...

Если же мы вспомним, что десять лет спустя, в 1827 году, в послушание к старцу Льву поступит в Александро-Свирском монастыре Дмитрий Брянчанинов, которому, в бытность его благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии, предстоит найти в 1837 году валаамского инок, способного стать игуменом монастыря, и он изберет именно Дамаскина, то остается только подивиться, как чудно устроит Всемогущий Господь судьбы Своих избранников...

Сам Дамиан, изумленный знаками почтения, оказанными валаамскими старцами, не знал и не мог знать еще ни о старце Евфимии, ни о святителе Игнатии (Брянчанинове), которому в том году, когда состоялась знаменательная встреча, исполнилось всего только десять лет...

И тем не менее встреча произвела переворот в его душе. Не колеблясь, он повернул назад, чтобы увидеть Валаамский монастырь.

Чтобы понять, какого труда стоило ему это, достаточно вспомнить, что за спиной инвалида-Дамиана оставалось нелегкое паломничество на Соловки, что никаких средств на плату за проезд и пропитание не было у него. Но Дамиан не задумывался над этим, он всецело уповал на милость Божию...

Будучи уже игуменом, приводя в порядок прежние и отстраивая новые скиты, Дамаскин, должно быть, снова и снова вспоминал о своем давнем паломничестве, снова и снова дивился свету, воссиявшему ему на его Пути на Валаам.

Глава четвертая

Такой лазурною бывает Ладога только в тихие летние дни... Подгоняемая легким ветерком, бежала по этой лазури сойма вдаль, туда, где смыкались воды Ладоги с таким же лазурным небом, туда, где скрыт Валаам...

Еще более усилилось сходство воды и неба, когда приблизились к Валаамским островам. Здесь, в озерной лазури, отражались белые стены вознесенного на плечах гранитных кряжей монастыря, и отражения эти были похожи на проплывающие по небу белые облака...

«Как легкое бремя на плечах гиганта» возносился к небу Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. От него разбегались дорожки и тропинки к монастырским скитам и пустынькам... Самый большой скит – Всех Святых...

Будущий валаамский игумен шел по лесной дороге и узнавал всё... И скалистые берега протоки, врезающейся в остров... И сосны, точно на полочках, вставшие на гранитных уступах... И нагретые солнцем, выходящие из-под земли каменные плиты-луды... И даже сумерки под лапами старых елей...

И радовалась, ликовала душа, словно узнавала самое родное.

Долго-долго стоял Дамиан возле сосны, разглядывая ее мощные корни, почти целиком вытолкнутые из скалы, но продолжающие цепко держаться за нее.

– Что, брат, – услышал он за спиною голос. – Не надумал ли остаться в монастыре?

Дамиан обернулся и увидел монаха...

Опираясь на клюку, он стоял на тропинке.

– Желая, батюшка, остаться... – сказал Дамиан, поклонившись. – Да не знаю, где Бог благоволит.

– А ты, брат, у нас оставайся... – сказал монах. – У нас тут три рода жизни.

– Как это? – удивился Дамиан.

– Три... – подтвердил монах. – Сначала у нас в монастыре трудятся, потом – в скиту, а после – в пустыни. Оставайся, брат... Я тебе свои четки отдам. Десять раз читай «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго», и один раз «Богородице Дево, радуйся...» – до конца.

И он протянул Дамиану четки.

Поклонившись, Дамиан взял их. На Валааме все старцы ходили с такими четками, и теперь и Дамиан оказывался как бы принятым в их число.

– Спасайся, брате! – сказал он, и стало так легко на душе, как никогда еще не бывало.

– Христос посреди нас! – ответил монах, осеняя себя крестным знаменем.

– Есть и будет... – сказал Дамиан и тяжело вздохнул, отстраняясь от чудесного мечтания.

– Отче! – сказал он. – А с кем еще можно посоветоваться на пользу души?

– К отцу Евдокиму сходи, брате... Великий старец – отец Евдоким...

– Да станет ли говорить со мною он? Кто я такой есть – крестьянин неграмотный...

– Не бойся... – сказал монах. – Отец Евдоким сам знает, с кем говорить. Недаром его «духовной удицей» зовут...

Дамиан не мог знать, что старец Евдоким, в недавнем прошлом «внешний монах», обучался внутреннему деланию у белобережских старцев, встреченных им на пути из Соловков. И Евдоким ничего не знал о пришедшем к нему посетителе, но, подобно старцам на дороге, земным поклоном приветствовал Дамиана.

«От его смирения я так растерялся... – рассказывал годы спустя игумен Дамаскин. – Только и мог сказать: желаю спастись, научите!»

– Научим, брат, научим... – отвечивал Евдоким и слезы «сердечного умиления» оросили его лицо.

Поговорив «на пользу», уже прощаясь, он благословил Дамиана идти к игумену Иннокентию и проситься в монастырь.

Игумен Иннокентий принял Дамиана...

До Рождества Христова Дамиан тачал в монастыре сапоги, а под Новый год отправился домой. Для пострижения в монахи требовалось увольнение от – так называли тогда крестьянскую общину – мира.

Но Дамиан давно уже ушел из крестьянского мира, совершая паломничества по монастырям, и *мир* легко смирился с потерей калеки.

Как только вскрылись реки, на барках с хлебом, Дамиан отправился в Петербург. Отец благословил его на прощание иконою, а потом версты три шел по берегу, кланялся и кричал:

– Прощай, Дамианушка! Прощай!

Вот еще раз поклонился и скрылся за пригорком...

В записях рассказов игумена Дамаскина, напротив эпизода прощания с отцом, сделана приписка: «Всегда, как о. Дамаскин вспомнит про это, и заплачет».

Глава пятая

Вот так и совершилось расставание *с миром*... Грустно и слезно. Зато Валаам встретил будущего игумена звоном колоколов.

Получилось это так...

В Петербурге Дамиан ожидал на подворье окаянии, чтобы добраться до монастыря. А тут приехал монастырский казначей Арсений за ризами, пожалованными монастырю императором Александром Первым.

Отец Арсений и захватил с собою Дамиана.

Царский дар, как и положено, встретили в монастыре благовестом. Под этот радостный перезвон колоколов и вошел в монастырь новый послушник.

Долги зимы на Валааме.

Уже апрель наступает, а все еще, скованное льдом, стоит озеро. Снег лежит и на скалах. Все бело. Из белизны

– темная паутина кустов, темные вертикали гранитных плоскостей, да еще лишь припущенные снегом ели и сосны. Без леса совсем тоскливо было бы на Валааме.

Но трудно, трудно растут тут деревья на каменистом грунте, в северных холодах. Сто лет надобно сосне, чтобы достичь нормальной высоты и почти всегда, как утверждает «Валаамское слово», «преодолев в своей молодости тягости северной жизни, заболевает дерево сердцем, и в старости, а не редко и в зрелом возрасте, сокрушает его сильная ладожская буря».

И не только деревья.

Иные «внешние монахи» тоже не выдерживали душевных, насылаемых врагом рода человеческого бурь... И падали они, подобно заболевшим сердцами деревьям, и великая печаль наступала в монастыре.

«Был пустынный Порфирий, – пишет в своем отчете о Валаамском монастыре святитель Игнатий Брянчанинов, – живший, как и прочие Валаамские пустынники, самочинно, занимаясь умною молитвою и пришел в высокое о себе мнение, якобы он свят. Однажды осенью, посетив скитских старцев, хотел возвратиться в свою пустыню и сказал старцам: пойду через озеро. Они не советовали ему пускаться по озеру, которое только лишь встало, но он ответил: «А как же древние святые отцы ходили по водам, ведь и я уже легок стал». Сколько ни уговаривали его старцы, он не хотел послушаться; спустился на озеро, сделал несколько шагов, лед под ним подломился, и он потонул, прежде нежели могли подать ему руку помощи. Другой старец, Серафим, хотел устроить себе келию непременно в скале, в таком месте, где озеро имеет до двадцати сажень глубины, упал в пропасть, и тело его едва могли отыскать для погребения».

Самочиние, указывает Игнатий Брянчанинов, губительно для монаха. Берясь по своему произволу за высокое делание, легко впасть в прелесть, или пьянство, или прочие слабости.

«Относительно прелести, были на Валааме разительные случаи: при игумене Иннокентии, некоторый самочинный подвижник, многими почитаемый за великого святого, видел различные явления якобы Ангелов и угодников Божиих. Однажды, после такого явления взошел он на колокольню, и егда братия выходила из трапезы, вдруг подвижник бросился с колокольни и ударившись о помост разбивается до смерти».

Не таков был Дамиан.

Путь внешнего, для чужих глаз делания, был не для него.

«Поселившись окончательно в обители, по увольнительному свидетельству, Дамиан с этого 1820 года положил твердое основание своей подвижнической жизни, – сказано в его составленной на Валааме биографии. – Быстро, внимательно и разумно проходя все возлагаемые на него послушания, восходил новоначальный брат от силы в силу».

Согласно «смирненной науке отцов», нельзя достичь подлинного смирения и повеселеть евангельской детской радостью без обретения совершенной невменяемости. Невменяемость, по учению преподобного Варсонофия Великого, значила: считать себя за ничто, считать себя землею и пеплом, ни с кем не сравнивать себя, и не говорить о своем добром деле: и я это сделал (ответ 269 и 610).

Как вспоминал потом сам Дамаскин, имена отца Феодора и отца Леонида постоянно были на устах его духовного наставника, и на основании этого можно предположить, что «смирненную науку отцов» старец преподавал и новоначальному брату, чтобы он «восходил от силы к силе».

Столь же уверенно можно предположить, что Дамиан был предрасположен к усвоению «смирненной науки» и своим характером, и своим воспитанием...

И все же, даже учитывая это, смирение молодого послушника, «совершенная невменяемость», достигнутая уже в самые первые годы монастырской жизни, поразительна...

К великому сожалению для нас, восхождение *новоначального брата от силы в силу* совершалось прикровенно, и мы не можем найти никаких подробностей этого. Впрочем, понятно, что если бы все детали были зарегистрированы, вероятно, это уже и не было бы духовным восхождением.

В.И. Немирович-Данченко в книге «Мужицкое царство» приводит любопытное свидетельство монастырского старожилы, дескать, из-за кособрюхости, Дамиану поручали из черных работ самые грязные.

В достоверности этого свидетельства сомневаться не приходится, но, перечитывая воспоминания самого Дамаскина, невозможно обнаружить ни единого намека на какое-либо притеснение или обиду...

Также безропотно, как нес послушания на хлебне и в конюшне, принял Дамиан послушание рабочего нарядчика.

Можно было считать новое послушание «повышением», «признанием». Но для Дамиана оно оказалось труднее прежних. Одно дело, молча, «считать себя за ничто», и совсем другое – командовать другими послушниками... Ведь искусство и сладость монашеской жизни как раз и заключаются в полном отвержении собственной воли.

Тем не менее Дамаскин справился и с этим очень нелегким послушанием и получил следующее – еще более трудное. Игумен Иннокентий поручил ему охрану монастырского острова. Охранять остров требовалось от браконьеров и контрабандистов, везших на Валаам запрещенные здесь табак и вино...

Тут надо сказать, что Валаам в то время служил еще и местом ссылки священников и монахов, совершивших достаточно серьезные прегрешения...

Называли их «подначальными».

Как писал святитель Игнатий (Брянчанинов), подначальные, «живя противу воли на Валааме, не перестают скучать, негодовать на продолжительность службы, на строгость устава, суровость места, износить языком разврат и кошуны, живущие в его сердце, уныние свое и расстройство переливать в душу ближнего. Ужасно и достойно сожаления образцом отчаяния служат два подначальных иеродиакона Иосиф и Матвей: никогда они не исповедаются и не причащаются Святых Тайн, никогда, ниже в светлый праздник Пасхи, нельзя их принудить придти в церковь: живут как чуждые Бога и веры, предаваясь гнуснейшим порокам. Лица их – подобные случалось мне видеть между каторжными в Динабургской крепости».

В монастырском жизнеописании игумена Дамаскина сказано, что «в этом новом послушании ревностный Дамиан много раз подвергался опасностям от чухон, приезжавших тайно стрелять дичь или рубить лес на Валааме, которые нередко в него стреляли, но Господь хранил раба Своего и Дамиан оставался невредим».

О браконьерах-«чухонцах» сам Дамаскин не вспоминал, зато любил рассказывать, что настоятель, игумен Иннокентий, вполне на него полагался. Для объезда островов в распоряжении Дамиана находилась лодка, верховая лошадь и работник, которого звали «француз».

Не однажды доводилось Дамиану пресекать ввоз на острова табака и вина, и поэтому его очень не любили «самочинники, в особенности иеромонах Иларий и подобный ему...»

Надобно напомнить тут, что Валаамские острова, расположенные в северной части Ладожского озера, в самом прямом значении этого слова, *удалены* от мира. Ближайшие населенные мирянами берега отстоят от монастыря на 25 верст. До ближайшего крупного поселения – 40 верст.

Ни солдат, ни полиции на острове не было. И солдат, и полицию заменял на Валааме Дамиан. Оружия у него не водилось. Впрочем, оружие и не требовалось. Доставало молитвы да крепких рук.

Хотя, конечно, «подначальные» и «самочинники» доставляли охранителю острова немало хлопот. Вспоминая все того же иеромонаха Илария, Дамаскин скажет:

«Замечательно, что этот иеромонах никогда не читал по покойникам. И что же? По нем не читали и не поминали до шести недель, ибо не знали, как его поминать – он утонул в монастырских заливах и не могли его отыскать. Уже спустя шесть недель, как всплыл, его не вносили в монастырь, а отпевали у часовни Благовещения, так он был разложен. Верно слово Божие, внюже меру мерите, возмерится и вам».

Трудно удержаться тут от замечания, так сказать, филологического порядка. Совершенно очевидна переключка текста, принадлежащего святителю Игнатию (Брянчанинову), и текста игумена Дамаскина.

Секрет в том, что и святитель Игнатий, и игумен Дамаскин говорят о реальных проблемах духовного созидания, где горние вершины близко и опасно соседствуют с бездонными пропастями; где путь духовного восхождения, хотя и чрезвычайно труден, а порою и опасен, но *реален* для каждого, кто не пожалеет во славу Божию сил и терпения...

Зато авторы текста монастырского, изданного в типографии, жизнеописания чаще озабочены наведением православной приятственности, нежели правдивым рассказом о трудах и подвигах Дамаскина. Мысль, что, наводя благообразие, они обкрадывают великого подвижника, видимо, не приходила голову.

И, конечно же, это вопрос не филологии, а самой Веры в Бога.

Если Господь попускает нестроения, то, очевидно, есть в этом смысл и поучительное значение. И стыдливо не замечать нестроений, не задумываться над тем, *как* были устранены они – это уже неверие в Премудрость Божию.

Между тем, поучительность пути послушника Дамиана в том и заключалась, что он все время – ступенька за ступенькой – поднимался вверх по лестнице духовного восхождения.

«По ночам в двенадцать часов приходил старец о. Евфимий под окошко (келья Дамиана находилась на втором этаже – Н.К.) и стучал выдвижную палкою, которую для сего носил с собою и до тех пор не отходил от окна, пока не дашь ему ответ стуком в раму. Каждую ночь до будильщика, всегда правили правило, не зажигая огня».

Ну, а с первым ударом колокола спешили в церковь к ранней утрени или полунощнице... Труд и молитва, за исключением нескольких часов сна, составляли теперь всю жизнь Дамиана...

Жили послушники чрезвычайно строго.

В кельях у них ничего не было... Только: образ, книга, стол, скамейки, которые они сами сделали, и доски, которые днем стояли в углу, а на ночь укладывались на скамейки, составляя монашескую кровать, которую дополняла мочальная подушка и войлок... Ходили и зимою в кафтанах, шуб в это время не было ни у кого, только Дамаскин, когда поступил в нарядчики, получил старую коротенькую шубу для объезда островов, и то в виде исключения.

Был у него чулан, в котором мазали сбрую, там он «исправлял Правило, клал поклоны и читал Акафист Божией Матери, и была у него икона Смоленской Божией Матери, от которой ему было чудесное явление».

Четверть века спустя, в 1857 году, будучи настоятелем, Дамаскин построит в честь этого Чудесного Явления часовню Иконы Смоленской Божией Матери на острове Бобыльке...

Глава шестая

Неспешно текла монастырская жизнь...

«Чаю в то время на Валааме не пили, а в большие праздники после обеда в три часа варили в котле шалфей с красным медом, и этот сбитень все пили в трапезу из деревянных чашек. Каждому брату давали две таких чашки, одна заменяла стакан, а другая – блюдце. А чай начали пить уже в конце жизни о. игумена Иннокентия...»

1823 год – памятный в истории Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. В этот год соорудили серебряную раку для преподобных Сергия и Германа.

Еще этот год памятен тем, что завершилось 22-летнее настоятельское служение игумена Иннокентия.

85 лет исполнилось ему.

Почти шестьдесят из них проведены в Валаамском монастыре...

Пострижения Дамиана в рясу и камилавку – одно из последних деяний престарелого игумена. Обручение Дамиана ангельскому образу совершилось на Рождество Христово.

В «Мужицком царстве» В.И. Немировича-Данченко приводится такой диалог:

«– У нас трудно, очень трудно иноческого сана добиться.

– Почему?

– Пока еще тебя послушником примут, повозишься, да в послушниках шесть лет, а если молод, то и больше. Моложе тридцати лет рясофором не сделают. Да и в рясофоре, если ты во всем взял и обители угодил, посидишь только шесть лет. Лет пятнадцать до мантии-то промаешься».

Разговор этот – внешних людей.

Все правильно, но правильность – тоже внешняя, не наполненная внутренним деланием, которое одно только и превращает послушника из человека *внешнего* в настоящего инока.

Сразу после пострижения в рясофор Дамиан положил посещать каждый день старца для откровения всех помыслов. Это, заведенное в монастыре еще при игумене Назарии, обыкновение называлось «ежедневным очищением совести».

«После вечерней трапезы, – было написано в Наставлении, составленном Назарием, – ты должен пойти к духовному твоему отцу. Поклонись ему, как самому Христу, пади на колени, открой ему состояние души твоей в продолжение минувшего дня, испытывая себя во всем, что сотворил на деле. Или худо помышлял, или говорил, или дозволил себе противное совести своей, или в чем тщеславился, или чем гордился, или кого оскорбил, или сам оскорбился на ближнего, или пороптал, или осудил близкого...»

Согласно Наставлению, получив после такой тонкой, истинной исповеди разрешение и прощение, «приняв, как от самого Бога», следовало поцеловать образ и крест и, поклонившись до земли духовному отцу, молча идти в свою келью.

– Не помню, свидетель Бог, чтобы я, находясь на послушании в хлебной, – рассказывал своим ученикам игумен Дамаскин, – без благословения старшего съел хотя бы корочку, несмотря на то, что бывало очень хотелось съесть горячую горбушку только что вынутого из печи хлеба. Старец мне говорил: «Если нужно поесть, то благословись, положи три поклона, сядь и поешь, но огнюдь не тайно, ибо тайноядение бесам вход».

– Или когда бывало отпустит нас за ягодами, то не позволял съесть любую ягодку, а насбиравши, помолясь Богу, сесть и поесть... Квасу мы никогда в келью не брали, а о хлебе не смели и помянуть старцу, чтобы взять в келью. Всегда, бывало, говорил нам старец: ломай себя пока молод, чтобы враг не сломал тебя в старости...

Однажды, испытывая ученика, насколько он преуспел в нестяжании и бесстрастии к вещам, старец Евдоким обратил внимание на икону, которою благословили Дамиана родители, когда он уходил в монастырь.

– Кажется, эта икона у тебя лишняя, – сказал он. – Отдай ее в церковь.

Дамиан не стал объяснять, что икона – родительское благословение. Беспрекословно исполнил приказ.

Суровой и трудной была дорога, по которой вел Евдоким Дамиана, но радостной и светлой была эта дорога для самого «обручника ангельскому образу».

Он любил вспоминать потом, рассказывая ученикам: «Бывало, праздником перед вечерней мы собирались к старцу о. Евфимию. Помолимся Богу и сядем на пол, он читает нам на пользу, или из нас кого заставит почитать: а сам слушает. Потом обще поговорит на пользу. После мы все выйдем на коридор, и он начинает нас принимать по одному для откровения совести. О, как было легко нам тогда, будучи готовы хоть умереть...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.